

ДВУХСКИЙ БЕРЕЖОК

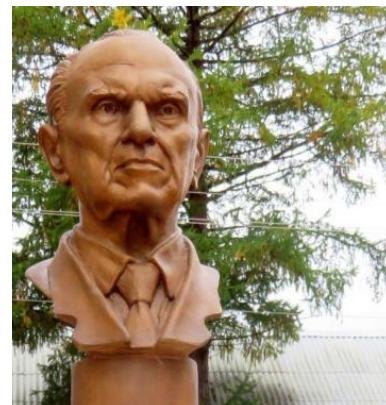
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

№5 СЕНТЯБРЬ 2017 ГОДА

• Памятники Тверской провинции

На территории концерна ВКО «Алмаз-Антей» открыли памятник скончавшемуся в прошлом году Герою Социалистического Труда, уроженцу Осташкова Анатолию Ивановичу Савину. Анатолий Иванович был создателем уникальной

системы предупреждения о ракетном нападении. Выступивший на торжестве заместитель министра обороны, генерал армии Юрий Борисов отметил, что Анатолий Савинов внес огромный вклад в обеспечение обороноспособности страны.

Валерий Савостьянов

г. Тула

Валерий Николаевич Савостьянов родился в д. Сергиевское Тульской области в 1949 году. Окончил Тульский политехнический институт. Прошёл трудовой путь от рабочего на заводе и шахте до заведующего лабораторией в Тульском политехническом институте.

Сегодня Валерий Савостьянов один из ведущих поэтов Тульской области, известных и в России. Автор 11 книг и многих публикаций в российских и международных изданиях. Стихи входят во всероссийские антологии «Русская поэзия. XXI век», Военной поэзии «Ты припомни, Россия, как всё это было!..», «Молитвы русских поэтов», и др.

Лауреат литературных премий, фестивалей, конкурсов. Награждён Почётными грамотами Министерства культуры РФ, Союза писателей России, и др.

Много раз бывал в Твери и Тверской области — и как турист на Селигере, и как литератор: в Бежецке в 2009 г. в составе делегации Союза писателей России на праздновании 120-летия Анны Ахматовой, и в Каблуково на фестивале «Каблуковская радуга». Дважды лауреат и трижды дипломант этого фестиваля.

« НЕ ГАСИ МОЮ СВЕЧУ... »

* * *

Спасибо за светлую осень,
За солнце и листья в окно,
За то, что, чего ни попросим,
Когда-нибудь сбыться должно.
За то, что одежды не рваны,
Хоть я и не хапал деньгу,
За то, что вчерашние раны
Посыпать я солью могу —
И знаю, что переносима
Зубная и прочая боль,
Пока ещё осень (спасибо!)
Раскрашена в цвет голубой,
Пока ещё хорошие вести,
Пока мне мой труд по плечу,
Пока я жене, как невесте,
Дарить хризантемы хочу,
Пока мы с ней рук не разъяли,
Сплетённые, как деревья,
Пока не обижен друзьями,
Пока моя мама жива...
И главное вот что: Россия
В распаханном настежь окне.
Спасибо! Спасибо!! Спасибо!!!
За это спасибо тройне.

ЗЕМЛЯ

Как странно мне думать,
что с каждой новой зарею
Мир вижу яснее,
но в самом существенном — слеп:
Иду по земле я,
а будто бы рядом с землею,
В которой судьба моя,
совесть, и песня, и хлеб.

Иду по земле я,
беру от нее без оглядки,
И, внуку крестьянскому,
мне — даже мне! — за столом
Начнёт вдруг казаться,
что всё, чем живу я, не с грядки —
Что в универсаме
всё это растёт, за углом.
Что может быть проще
той самой берёзовой рощи,
Куда выезжал ты
с палаткою на выходной?
Что может быть проще:
ведь белая роща не ропщет,
Хоть снова осталась
без юной берёзы одной.
Что может быть слаще
воды родниковой, что в чаще
Лесной, заплутав,
ты однажды, уставший, испил,
Но только всё чаще
родник, под сосною журчащий,
Навек замолкает,
а сосны идут на распил.
Как странно мне думать,
что может быть благо — бедою,
Что в шуме машинном
нельзя забывать ни на миг:
Хоть мы и велики
могучим величием домен,
Начало — в земле,
на которой поставили их!

(продолжение на стр. 2).

стр. 1

(начало на стр. 1).

УДАЛЬ

Ах, как верю я в мой город
 разудалый!
 И готов я поручиться головой:
 Никогда не станет вором и
 «кидалой»,
 Тот, кто удалю живет мастеровой.
 Эта удаль — из особого разряда,
 Эту удаль — не купить и не
 украсть:
 Под прицелы «трехлинеечки» и
 «Града»,
 Ой, не дай вам Бог, когда-нибудь
 попасть!
 наших недругов не раз уже
 сметала, —
 И растет над ними вечная трава, —
 Разудалая поэзия металла,
 Разудалая надежность мастерства.
 И пока Господь мой город не
 оставит,
 Где народ — не весь грешит из-за
 гроша,
 Он Россию удивлять не
 перестанет,
 И найдутся здесь Демидов и
 Левша.
 И таланты почитая, а не злато,
 Сердцем чувствуя, что злато —
 демон злой,
 Здесь не любят подпевать про
 Хаз-Булата,
 Хоть, наверно, Хаз-Булат и удалой.
 Быть талантливым, торить свою
 дорогу, —
 Рядом с этим все богатства —
 трын-трава.
 Что еще просить? — Помолимся
 же Богу,
 Благодарные за роскошь
 мастерства!..
 Здравствуй, удаль — не
 задиристых, а смиренных!
 Здравствуй, удаль, что в годину
 нищеты
 Для себя из всех изделий
 ювелирных —
 Оставляет лишь нательные
 кресты!

НЕ ГАСИ МОЮ СВЕЧУ

Не гаси мою свечу,
 О, Всемиловитый Боже —
 Я ещё воспеть хочу
 Ту любовь, что всех дороже.
 Ту любовь, что даришь мне
 В пору старости бесплодной —
 К сыновьям моим, к жене,
 К нашей кошке беспородной.
 И к рассаде, и к цветам,
 На окне моём живущим,
 И к сияющим листам,
 Строчки новые зовущим...
 Не вели меня казнить —
 Я иду, не зная броду.
 Дай мне что-то объяснить
 Драгоценному народу!
 Что — пока не знаю сам.
 Но в годину испытаний,
 Верю, дашь моим устам
 Нежность словосочетаний, -
 Чтоб не ядом напитать,
 Не отмщением, не болью,
 Чтоб молитвой отшептать,
 Чтоб спасти его любовью!..

ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

Подарил я ей мимозы,
 И с высокого моста
 Мы смотрели с ней на звёзды
 В ночь Великого Поста.

За звездой звезда бросались
 Вниз и гасли над рекой...
 Видел много я красавиц,
 Но не знал другой такой!

И какие б ей слова я
 На ушко ни говорил —
 Отстранялась, обрывая,
 Отступая от перил.

Как же так?
 «Люблю я Бога!» —
 Отвечала мне она.
 А река была глубока,
 А река была темна.
 Как ни вглядывайся в струи,
 Всё равно не увидать,
 Как ушли без поцелуя
 Мы поститься и страдать.
 От беды ли, от порока —
 Увела меня она.
 А душа была глубока,
 А душа была темна!

И душе моей казалось:
 Выеденного яйца
 Поцелуй не стоит —
 Шалость
 Подгулявшего юнца,

Что за миг любви свободной
 На спор прыгнул бы с моста
 В женский день международный,
 В ночь Великого Поста...

ЗДЕСЬ

Здесь всегда то стынь, то лужи,
 То заморские ветра.
 Здесь всегда быть может хуже,
 Горемычней, чем вчера.

Здесь то истовость традиций,
 То неистовый набег...

Угораздило ж родиться
 В Диком Поле в Дикий Век!

Битый,
 В рог бараний гнутый,
 Как же здесь,
 В краю разрух,
 Не желая жить минутой,
 Взрос державный русский дух?

ПРОВОД

Может быть, и мелок повод:
 Но мне чудится, когда,
 Переламывая провод,
 Гнут его туда-сюда —

Это гнут
 Не провод хрупкий, —
 Это водят взад-вперёд
 Наш народ несчастный русский,
 Наш доверчивый народ...

* * *

Что меж нами, меж двоими —
 Разве кто-нибудь поймёт?
 Я шагну лишь — Ваше имя
 Снег опять поёт, поёт!
 Он ложится, словно гравий
 Между нами в топь разлук...
 Ни письма, ни фотографий.
 Только имя Ваше вдруг!
 Только грустное свечение
 Звёзд — замёрзших Ваших слез.
 Только кисти Боттичелли
 Лик Ваш в пламени волос!

«ТАК ТЯНЕТ ВСЁ ВОКРУГ ОЧЕЛОВЕЧИТЬ...»

Размышления о поэзии Александра Гевелинга

8 августа 1945 года в областной газете «Пролетарская правда» (ныне «Тверская жизнь») было напечатано стихотворение «Бойцу», адресованное, по сути, всем солдатам Победы, возвращающимся к мирной жизни:

*Треск пулемётов, гром гранат,
Фугасных бомб раскаты
Прошли. И ждут тебя назад
Твои поля и хаты.
Станки тебя обратно ждут,
Земля и сад зелёный,
Войною пресечённый труд,
Тобой освобождённый.*

Такими безыскусными, но по-юношески искренними и идущими из сердца строками и шагнул на просторы большой поэзии **Александр Феодосьевич Гевелинг** (1928–2014). Сегодня он – признанный Поэт, автор 16 книг стихов и прозы, подлинный художник слова, один из корифеев тверской литературы и журналистики второй половины XX – начала XXI века.

Коренной тверяк Александр Гевелинг родился, по его словам, «в развесёлый день – 1 апреля 1928 года», жил и рос на берегу Волги, на живописной, напоминающей кусочек Петербурга, набережной Стеньки Разина – именно так она тогда называлась.

Жаркое утро 22 июня 1941 года безжалостно перечеркнуло радостное отрочество Александра Гевелинга. Под грохот бомб и снарядов он вместе с матерью спешно уходил из родного города. «Невозможно забыть, как немецкие “мессершмитты” летали над Волгой на бреющем полете, а под ними бежали куда глаза глядят толпы мирных жителей», – сказал поэт в одном из интервью. Трудные дни вынужденного скитания по

окрестным деревням оживут спустя годы в его повести «Беженцы».

В разрушенный Калинин А. Гевелинг вернулся сразу после его освобождения от фашистских оккупантов. Надо было жить дальше, и юноша быстро освоил первую рабочую профессию: крыл крыши зданий по улице Советской и Тверскому проспекту. Материалом служили уцелевшие листы кровельного железа, что валялись на мостовых. Затем выучился на киномеханика и в 1944 году был принят вольнонаёмным в эвакогоспиталь № 430.

Тревожная пора раннего взросления однажды отзовется в лирике поэта выстраданным признанием: «Я на сердце ношу // Все грузы поколений». Ужас и бесчеловечность войны, то, что для нас уже далёкая история, для него до последних дней оставалось лично испытанным и пережитым – тем, что не подвластно никакому художественному воображению: *Смрад взрывов, грохот, скрежет, визг осколочий,
Горит бензин, не видно ни черта!
Ю-87, ну сволочь сволочью,
Опять заходит,
И опять с хвоста...*

Во время одного из таких налётов в полосе наступления 3-го Белорусского фронта Александр Гевелинг был ранен, получил ожоги и почти три месяца провёл на госпитальной койке.

А потом наступили мирные дни. Начинаящего поэта, помимо учёбы в школе рабочей молодёжи, ждали публикации новых стихов в Калинин и Москве, поступление в Литературный институт имени А.М. Горького, первые книги. И возвращение на журналистскую стезю – в газеты «Смена» и «Калининская правда».

«Тема войны вошла в мою творческую судьбу навсегда, – подчеркнул поэт в автобиографии. – Придумывать о ней что-нибудь не было у меня потребности: слишком остра живая память. Почти в каждой из моих стихотворных книг – подборка о Великой Отечественной».

Военная лирика А. Гевелинга написана болью недремлющего солдатского сердца, свидетеля жестокой правды. По-прежнему впечатляют реалистичностью картин, живостью ритмики и интонации, естественной патетической страстностью ставшие уже хрестоматийными «Петька Скурихин», «Военная кинохроника», «Братство», «Лоховня», «Солдат Балакирев», «Память». С новой силой бьёт по гнусным домыслам прежних и нынешних фальсификаторов истории Великой Отечественной войны раннее стихотворение «Арроманш», протестующее и одновременно сдержанно-благородное. А подлинным откровением для многих и, прежде всего, молодых тверичей будет то, что автором скорбно-торжественных надписей на медных плитах открытого 16 декабря 1970 года Обелиска Победы является не кто иной, как Александр Гевелинг.

В 1960–1970-е годы целый ряд книг поэта увидит свет в престижных столичных издательствах. Гевелингу не раз предлагали переехать в

(продолжение на стр. 4).

(начало на стр. 3).

Москву, где он и печатался бы почаще, и популярность, наверное, приобрёл бы пошире... Но верный Твери он остался жить и творить на родине – на любимом с детства просторе меж небом и Волгой – «красавицей», «печальницей», «исповедницей души»:

*Неподкупен был при случае,
Оставался сам собой*

*И с твоей державной внучкою –
Притягательной Москвой.*

Перечитывая его стихотворения разных лет, часто задаю себе вопрос: в чём секрет их нетускнеющего обаяния? «Секрет» этот и прост и сложен: равнодушие, острый интерес к жизни и людям, восхищение и трепетная приязнь к окружающей природе, удивительно яркие переливы лиризма, неувыдаемость души и, самое главное, искренность по отношению ко времени (которое, как известно, не выбирают) – далеко не все слагаемые его таланта. И потому Александр Гевелинг умел ценить каждое мгновение бытия, наполненного «светом звёзд и пламени свеченьем». Не зря излюбленная символика его лирики накрепко связана с огненной стихией, запечатлённой во множестве меняющихся отражений. Огонь превращается не просто в устойчивый компонент поэтики Гевелинга, а становится первоосновой философского, эмоционального и образного мировосприятия.

Таинство поэзии для А. Гевелинга также ассоциируется с горением – горением созидательной мыслью, верным словом, непритворным чувством. К пламенной творческой самоотверженности, к поиску, к движению зовёт он и пишущую молодёжь.

Долгие годы поэт был литературным консультантом областной писательской организации, в создании которой он, кстати, принимал самое деятельное участие. Сколько произведений одарённых начинаю-

щих авторов было при неуклончиво строгой, но одновременно доброжелательной помощи А. Гевелинга доведено до ума на скромной кухоньке писательской квартиры на улице Новоторжской! Среди его учеников – маститые теперь уже поэты Владимир Крусс, Лилия Сокуренок, Сергей Герасимов, Вера Грибникова... Да и многие другие не считали зазорным прислушаться к советам мастера. Есть полное право говорить о «школе Гевелинга» в современной тверской поэзии.

Стихотворения его читаются легко, но звучат весомо, поражая зоркой глубиной и точностью философского видения:

Не знаю, как для вас,

Но для меня

И родника лесного источенье,

И вопль совы, и жаркий взор коня

Исполнены и смысла и значенья.

Всесветная цепочка бытия!

Так тянет всё вокруг очеловечить,

Поскольку в этой связи ты и я,

Ольха, кедровка, малахит,

кузнечик.

Такая весомая лёгкость стиха достигается не только вдохновением, но и талантом тщательной работы со словом. Не случайно многие строки А. Гевелинга стали афоризмами: «По-тому-то огонь и вечен, // Что во веки веков горяч», «Улыбка старинного друга // Сильнее про-клятий врага», «Ибо славе солдатской // Срока давности нет», «...сердца берут поэты, // А маршалы – всего лишь города», «Живём мы на свете немало // И всё-таки мало живём!» И мой любимый афоризм у поэта, посвящённый зимнему солнцевороту: «Плевать, что зима на мороз, // Ведь солнце-то всё же – на лето!»

В последние годы Александр Феодосьевич писал мало, опасаясь повториться, вновь ступить на давно протоптанную тропу («Себя, молодого, боюсь») или увлечься ненужным «умствованием». Означает ли это поэтическую исчерпанность? Ни в коей мере. Напротив, перед нами – поучительный пример

творческой самовзыскательности, ценнейшего для поэта качества.

В 2005 году вышла книга А. Гевелинга «Листопад», ставшая для него последней при-жизненной. И хотя этот сборник в значительной степени состоял из уже известных, более ранних произведений, он не давал ни малейшего повода усомниться в исчерпанности тематического и эстетического потенциала поэта. Ценитель настоящего литературного слова вряд ли откажет себе в удовольствии опять встретиться, словно со старыми добрыми друзьями, с замечательными стихотворениями «Волга», «Солнцеворот», «Берёзы», «Мстино», «Чайка» и другими, чтобы вместе с ними по-доброму усмехнуться, по-грустному поразмышлять и, наконец, заново пропустить через себя онтологическую чеканность индивидуальных максим поэта: *Как завтра будем: в свете или*

мгле?

Как думать будем: днями иль

веками?

Хоть люди и не вечны на земле,

Избави Бог нас жить

временщиками!

Новый же Александр Гевелинг предстал в «Листопаде» в облике незаурядного сатирика и миниатюриста, мастерски освоив эти два далеко не каждому дающихся жанра. Гротеск и шаржированность органически соединяются в его сатире с беспристрастным (но не безразличным!) взглядом мыслителя, а выхваченные из бурного потока действительности лица и ситуации, резкие в своей конкретности и уплотнённости, изображены со стопроцентной иронической меткостью. В цикле «Заметки пессимиста» А. Гевелинг клеймит вывернутую наружу изнанку нашего социально-политического быта с его извращённой моралью, пренебрежением к будущему страны, помолодевшей наркоманией, профанацией «демократических» выборов и показной эфирно-печатной «свободы слова», забвением честного труда.

(продолжение на стр. 5).

(начало на стр. 3-4).

Поэт бескомпромиссно од-
нозначен в самом наиболее
шумном, самом дискуссионном во-
просе правового государства:
На лаврах гуманизма опочить
Теперь мы можем в обществе
открытом.

Провозгласив убийце право жить,
А его жертве право быть убитым.

Поздней лирике А. Гевелинга
свойственны философичность, от-
точенная обобщённость суждений,
склонность к ретроспективной
медитации. Таковы стихотворе-
ния «Исповедь», «Впечатления»,
«Предзимье». В последнем возраст-
ная печаль об ушедшем времени во-
плотилась в контрастной изящности
отрывистого безглагольного пись-
ма, сжимающего распространён-
ное предложение до одного слова:

Круговорот небосвода:
Приобретенье – утрата.
Лёгкая ноша восхода –
Тяжкое бремя заката.

Конечно, очень жаль, что
круговорот одной человеческой
жизни в самом главном несопо-
ставим с «круговоротом небосво-
да». И всё же листопад – не толь-
ко грустная, но и вечная примета
осени, как вечна и сама поэзия.

Но, может быть, время вернёт
Значенье прошедшему мигу?
Ведь кто-кто впервые возьмёт
Мою престарелую книгу...

Возьмут, конечно же, и возьмут
многие. И не один раз. И не только
«Листопад», но и «Дорогу», «Солн-
цеворот», «Имена», «Ожидание»,
«Память», «Апрель»... Ведь стихи
Александра Гевелинга – настоящая
поэзия высокой пробы, наполнен-
ная любовью к чудесному Твер-
скому краю и его людям. К тому
же она обладает завидной чертой
– притягивает к себе внимание,
заставляет думать о смысле и кра-
соте нашего пребывания на Земле.

Александр БОЙНИКОВ,
г. Тверь

(Публикуется в сокращении)

• Литературное краеведение

Тверская нить к Пушкину

Позволь душе моей открыться
пред тобою
И в дружбе сладостной отраду
почерпнуть,
Скучая жизнью, томимый
суею,
Я жажду близ тебя, друг нежный,
отдохнуть...
Ты помнишь, милая, - зарею наших
лет,
Младенцы, мы любить умели...
Как быстро, быстро улетели...

А.С.Пушкин – сестре
Ольге Сергеевне

Биографы Александра Сер-
геевича Пушкин часто приводят
в своих работах эпиграмму, адре-
сованную поэтом своей сестре
Ольге Сергеевне Павлищевой.

За что, скажи мне «Похититель»
Был встречен шиканьем партера?
Увы, за то, что сочинитель
Его похитил у Мольера!

Ольга Сергеевна был первым
литературным критиком поэта
и другом детства. Любовь к своей
единственной сестре поэт сохра-
нил на всю жизнь. Няня Пушкина
- Арина Родионовна – свой послед-
ний приют нашла у Ольги Серге-
евны. Воспетая Пушкиным, Анна
Керн, живя в Санкт-Петербурге,
была верной подругой его сестры.

Нам, тверителям, приятно
ощущать физическую близость к
местам, где когда-то бродил Пуш-
кин и которыми, к счастью, так
богаты тверские края. Все эти
старинные парки, пруды, дворян-
ские усадьбы, погосты с храма-
ми, хотя и измененные временем,
влекут к себе, ибо хранят толи-
ку первородной правды о поэте.

Есть подобный уголок и в
среднерусском городке Лихославле
– могила Анны Иосифовны Панэ,
преподавательницы языков в одной
из школ города. Дочь Ольги Серге-
евны Павлищевой, сестры поэта,
оставившей бесценные воспомина-
ния о Пушкине, Надежда Никола-
евна Павлищева (1937-1909) в 1864

году вышла замуж за профессора
Варшавской консерватории, опер-
ного певца и композитора Иосифа
Рафаиловича Панэ. У них родилось
четверо детей, и одна из них – Нина
(крещеная Анной) появилась на
свет в 1878 году. Нина Панэ воспи-
тывалась и росла в Варшаве, но во
время первой мировой войны вер-
нулась в Россию, где была сестрой
милосердия. После октябрьского
переворота до 1928 года она пре-
подавала в Орловской губернии,
затем в городе Острогожске Воро-
нежской области. С 1938 года посе-
лилась в Лихославле, где провела
последние десять лет своей жизни.

Скончалась Нина Панэ в 1948
году. Большой архив Панэ – би-
блиотеку, фотографии, переписку
с родственниками – отослали ее
племяннице Л.Л. Кун-Слоним-
ской, дочери родной сестры Панэ
Е.И. Кун. Муж Кун-Слонимской,
известный писатель и литерату-
ровед А.Л.Слонимский, тогда уже
приступил к созданию своей фун-
даментальной работы «Мастер-
ство Пушкина», а его докторская
диссертация называлась «Народ-
ные основы поэзии Пушкины».

Забывшая могила внучатой пле-
мянницы А.С. Пушкина к началу
1980-х годов почти сравнялась с
землей. Обращения к властям не по-
мogli. И тогда коллеги Панэ, ее уче-
ники, книголюбы собрали пожерт-
вования и установили на могиле
скромное надгробие. Теперь в Ли-
хославле есть такое место, которое
в дни духовных потрясений эмпир-
ической нитью связывает русско-
го человека с великим Пушкиным.
И эта видимая связь – еще одна на-
дежда на наше всеобщее воскресе-
ние в «переворотившейся» эпохе.

Владимир Кузьмин,
кандидат филологических
наук, член Союза писателей РФ

Валерий Кириллов:

«ВЗЯЛСЯ ЗА ПЛУГ, ПАШИ ПРЯМО...»

В прошлом году увидел свет роман Валерия Кириллова «Не сошедшие с круга», в этом - вышла книга очерков по истории партизанского движения в Калининской области «Кому ты так обязан». С них и начался разговор.

- Шестисотстраничный роман, пять лет упорной работы... Что Вас подвигло к его написанию?

- Много лет занимался изучением событий военной поры на андреапольской земле. Открылись пласты неизвестного ранее, захотелось создать художественное полотно. В основу легли судьбы 22-й и 29-й армий, а также русской деревни Загорье, оказавшейся на оккупированной территории. И сама она, и ее обитатели – вымышленные. Но почти в каждом из героев есть то, что подмечено в близких мне людях, известно по воспоминаниям ветеранов и документальным источникам.

- Действие в романе происходит не только на Ивашковском плацдарме, в поселке Верходвинье, деревне Загорье, под Ржевом, Калининском, в столице. Воображение автора кратковременно перенесло героев будущего командарма 22-й армии Юшкевича и бывшего Еришакова во Францию и Германию...

- Воображение имеет под собой основу. Василий Александрович Юшкевич был советником республиканцев во время войны в Испании. Пришлось выяснять, каким образом наши советники туда добивались. Оказалось, маршрут чаще всего лежал через Париж. История встречи в ресторане Юшкевича и сопровождавшего его сотрудника посольства с русскими эмигрантами также рождена воображением автора. Если говорить о Филиппе Афанасьевиче Еришакове, то осенью 1941-го года он, командуя уже 20-й армией, попадает в плен и оказывается в лагере Хаммельбург. Здесь и умирает летом 1942 года.

- Судьба жестоко обходится не только с Еришаковым, но и с некоторыми другими героями. Нельзя без боли в душе читать о командире 48-й танковой дивизии полковнике Яковлеве. По приговору трибунала он был расстрелян за неисполнение приказа представителя штаба фронта...

- Накануне наступления 22-й армии немцы внезапно ударили в ее стык с 29 армией и вырвались на оперативный простор. Нужно было стабилизировать положение. 48-я дивизия, за два месяца боев под Невелем и Велики Луками потерявшая все танки, и имевшая в наличии 2300 бойцов и командиров, прорвав окружение, организовано отступала. Из Андреаполя она должна была отбыть на переформирование. В это время представитель штаба фронта отдает приказ организовать наступление. А у немцев – танки. Желая спасти остатки дивизии, Яковлев имитировал наступление разведбатом. Сложная коллизия в горячке не получила должного разбирательства. Яковлева разжаловали и расстреляли. Когда я написал о его судьбе в «Советской России», позвонивший мне из Харькова сын комдива не скрывал слез благодарности. Дочь комдива живет в Ногинске-5. Она и боевые друзья Дмитрия Яковлевича Яковлева приложили немало усилий, чтобы он был реабилитирован, и это произошло.

- В романе показана роль НКВД. В частности, для меня откровением стала героическая деятельность 83-го погранотряда, прикрывавшего тылы 22-й армии...

- Роль НКВД в достижении победы очень значима, за это антисоветчики и ненавидят эту организацию. 3 июля 1941 года у Сталина состоялось совещание, где прини-

мается решение о формировании десяти армий из состава пограничных округов НКВД. Работа возлагается на заместителя Берии по погранвойскам Масленникова. Сохранив должность заместителя Берии, он возглавил 29-ю армию. Ее дивизии героически сражались вместе с 22-й армией на Ивашковском плацдарме. Впоследствии она почти полностью погибла под Ржевом. Из окружения вышли несколько тысяч человек. Иван Иванович Масленников закончит жизнь трагически, после ареста Берии он застрелится.

- Сталин предстает перед читателем как глубокая, сильная характером и в то же время трагическая личность.

- Сталин – фигура эпохальная. Мы как-то мало задумываемся, что достижения его эпохи защищают и сегодняшнюю Россию. Если Вы обратили внимание, значительное место уделено борьбе Сталина и его соратников с внутренней оппозицией, прежде всего с троцкизмом. Своей русофобией, претензией на избранность эта оппозиция весьма напоминала либералов наших дней.

- Игорь Гревцев в «Русском вестнике» пишет: «Книжный фестиваль «Красная площадь» – событие радостное, но грустные мысли навеивает оно. Это здорово, что мы храним национальную литературу, рожденную в позапрошлом веке. А грустно оттого, что в свет не выходит национальная литература XXI столетия. Как будто у нас сегодня не существует истинно русских одаренных поэтов и писателей. Они есть, но кто-то объявил их «неформатом» и то ли запретил, то ли убедил издателей не печатать их книги...

(продолжение на стр. 7).

(начало на стр. 6).

- К этому можно добавить, что «запретитель» хорошо известен. Это русофобствующий глобализм. Его «агенты влияния» сейчас ведут себя в России не столь нагло, как в 90-е, но по-прежнему имеют сильные позиции.

- *Логическим продолжением романа стало второе издание Вашей краеведческой книги «Кому ты так обязан», посвященной истории партизанского движения в Калининской области. Чем оно отличается от издания пятилетней давности?*

- Больше по объему на треть за счет включения новых очерков. Плюс свыше ста снимков, некоторые публикуются впервые. Приложение расширено за счет включения списка руководителей (с их краткой характеристикой) спецгрупп Калининского УНКВД, а также партизанского творчества – стихов, песен.

- *Книга «Кому ты так обязан» могла бы быть в каждой тверской школе, библиотеке. Это могло бы патристическому воспитанию на местных примерах.*

- Нельзя заставить быть патриотом, подлинный патриотизм – внутреннее убеждение, состояние души. В чем главный вопрос? Патриотизм в России исторически связан с русским традиционализмом. Нам же трубят о необходимости построения гражданского общества. Но оно не имеет ничего общего с русским патриотизмом и православием. Представитель традиционного общества защищает национальные традиции, интересы. Гражданское общество с его так называемыми «общечеловеческими ценностями» превращает человека в гражданина мира, глобал-космополита. Это сугубо индивидуалистическое, потребительское общество. Помните заявление господина Фурсенко: «Школа должна воспитывать потребителя»? О каком патриотизме тут можно вести речь?

- *Еще недавно в России были Валентин Распутин, Иван Васильев, Василий Белов, Шукшин, воскликнувший «Какие же деревенщики! Мы – народные писатели!» А сегодня кто?*

- Сегодня – Дарья Донцова, постоянно мелькающая на телеэкране. Наштамповала около сотни субкультурных романов. Названия говорят сами за себя: «Покер с акулой», «Обед у людоеда», «Ма-

никур для покойника», «Канкан на поминках», «Гадюка в сиропе»... Кино либералы также отформатировали в направлении дебилизации русского народа. О том, какие герои ему предлагаются, говорят названия фильмов: «Нюхач», «Балабол», «Шакал», «Мусорщик», «Охламон», «Парфюмерша», «Домработница», «Бомжиха», «Челночница»... Разумные голоса патриотов в защиту традиционных ценностей заглушаются криками из либерального стана: «Свобода творчества!», «Толерантность!»? Между тем свобода без ограничения – это анархия, а толерантность – раздвоение сознания, свойственное шизофренику. В работе «Мирозерцание Достоевского» философ Бердяев подчеркнул: «Раздвоение порождает разврат. В нем теряется целостность. Целостность есть целомудрие. Разврат же есть раздвоенность».

- *По-моему, современная раздвоенность разврат связаны с отсутствием большого, коллективного созидательного дела в масштабе России.. Оно одухотворяет, рождает личностей, спланирует...*

- Согласен, большое коллективное дело у нас никак не вызреет. Нет былого советского размаха, нет элиты, подобной той могучей, что выпестовалась в сталинскую эпоху. Хотя в ВПК, судя по всему, произошли серьезные положительные изменения, что крайне важно. В последнее время нас тревожит и, одновременно, спланирует ощущение нарастающей опасности. Нельзя позволить внешнему и внутреннему врагу обречь Россию на историческое поражение, как это произошло с Советским Союзом.

- *Вас считают в какой-то степени приверженцем Путина. Ваша книга публицистики «Национальное или глобальное» отрывается очерком «Поворот» именно о нем.*

- Я попытался представить взгляд на Владимира Путина из русской провинции. Она смотрит по иному, нежели ухоженная, космополитизированная Москва. Ценю то, что под руководством Путина Россия отошла от края пропасти, ценю за Крым. При всех наших бедах, проблемах, Путин является сегодня гарантом стабильности, потому и рейтинг его стабильно высок.

- *Каково творческое кредо писателя Кириллова?*

- С опытом пришло понима-

ние, насколько важно не допускать поспешания, работать вдумчиво. Писатель не должен быть конъюнктурщиком, перестраховщиком. Если взялся за плуг, паши прямо.

- *Путевку в литературную жизнь Вам дал выдающийся русский публицист, мудрый деревенский философ Иван Васильев. Дорожите его напутствием?*

- Несомненно. Хотя и нечасто, но бываю в великолукских Борках, в музее, который носит его имя. Сегодня, к сожалению, мало кто читает замечательную прозу Васильева. Но, с другой стороны, ясно, что опора власти в культурной и литературной политике на так называемый либеральный, глобалистский тренд обанкротилась. Ничто подлинно талантливое, наполненное высокими смыслами бытия, не может быть создано без опоры на национальные ценности, на народную правду жизни. Думается, творчество Ивана Афанасьевича Васильева будет востребовано.

- *С Вашим именем связывают выход культурно-просветительского вестника «Двинский Бережок». Я посмотрела первые выпуски. Явно не местническое издание. Представлены Тверь, Вологда, Минск, Витебск...*

- В основном, конечно, Тверь. У нас немало талантливых литераторов, но в силу обстоятельств, которых мы коснулись выше, они находятся в тени или вообще забыты. Навскидку назову несколько тверских фамилий: Игорь Столяров в Нелидове, Маргарита Петрова в Андреаполе, Федор Иванов в Твери... Талантливые, зрелые поэты. А кто помнит ушедших из жизни Ольгу Маркову, Владимира Соловьева? Мы знакомим с творчеством таких людей, рассказывает о них. Вокруг вестника объединилась небольшая группа энтузиастов.

- *Если не секрет, что у Вас в творческих планах?*

- Привожу в порядок, дневники, которые веду с 1989 года. Благодарен газете «Советская Россия» за то, что она напечатала часть из них. Может, со временем удастся издать отдельной книгой.

Беседовала Н. Иванова,
г. Андреаполь

• Литературное краеведение

Владимир Соловьев

Владимир Николаевич Соловьев родился 19 мая 1937 года в деревне Сосновица близ села Молдино в крестьянской семье. У его отца Николая Милантьевича было два брата: Владимир жил в соседнем доме в д. Сосновица, а Иван уехал в Москву. Отец Николай и его брат Владимир погибли на войне. Мать поэта, Александра Даниловна, была родом из соседней деревни Малое Вороново, что в четырех километрах от Сосновицы. В семье было четверо детей: сестра Мария (1927 г.), братья Алексей (1930), Анатолий (1933 г.) и Владимир.

После гибели отца детей растили мать и бабушка Анна Ниловна; дед Милантий скончался в войну. Александра Даниловна умерла после болезни в 1949 году. Окончив начальную школу, Володя стал ходить в Молдинскую школу, живя зимой у родственников в деревне Красная Горка. Затем два года прожил у сестры в Новосокольниках под Великими Луками. В сентябре 1953 года он потупил учиться в художественно-ремесленное училище №12 в Калинин. Одиннадцать лет отработал печатником на Калининском полиграфкомбинате.

«...И ВЕСОМЕЙ ДУМЫ И ШАГИ»

Первое стихотворение напечатал в 1959 году в газете «Ленинское знамя» Калининского района. Первый сборник стихов поэта «Верхневолжье» вышел в 1968 году. На следующий год Соловьев стал членом Союза писателей СССР. В 1971-1973 гг. обучался на Высших литературных курсах при Литературном институте им. М. Горького. Затем работал преподавателем в ПТУ-12 и теплосетях «Калининэнерго». Осенью 1981 года вернулся к родной земле, переехав в село Осечно Вышневолоцкого района, где и провел последние 17 лет своей жизни. Работал в сельской библиотеке, продолжал писать стихи, издавая за это время пять поэтических сборников. Умер в Рождественскую ночь 7 января 1999 года. Похоронен на кладбище в селе Осечно.

В 2002 году, благодаря ценителям творчества Владимира Соловьева, в издательстве «Русская провинция» вышла посмертная книга его стихов «Ветер с родины». В ней помещены также воспоминания о большом русском поэте и его переписка.

ДАРЬИНА ГАРМОНЬ

Играет Дарья на гармонии –
Свело у баб
Молчаньем
рты.
У них мозоли на ладонях,
Как будто желуды
желты.
У них платки на плечи спали,
Прически выюги замели.
Нет!
Это бабы лен трепали
И пряди в волосы вплели.
Лежат их руки на коленях
Смуглее, чем приклад ружья,
А за спиной
синеют тени,
Стоят,
Как верные мужья.
Они их ждали,
Долго ждали,
Навстречу эшелонам шли.
Они сердцам не доверяли

И ждали, ждали, как могли...
И вот, когда их больно ранит
Печалью
Память сквозь года
И очень одиноко станет –
Приходят к Дарье
иногда.
Она играет им и плачет,
Мотив не выпустив из рук.
И бабы слез своих не прячут –
Стыдиться
некого
вокруг.
Уснет село.
У тетки Дарьи
Погаснет за полночь огонь.
К мужьям как будто на свиданье
Сводила баб
Ее
Гармонь.

В ТОТ ДЕНЬ

В тот день
Дожди седые моросили
И ветер терся о щеку стены,
Мне мама тихо пела о России,
Перешивая бабкины штаны.
Из кухни вкусно пахло пирогами,
И почему-то было грустно мне,
И я на лавке с голыми ногами
Притих
И слушал песню в тишине.
На улице штрихи дождя косые.
Озябший ветер к нам стучался в дом.
В тот серый день мне виделась
Россия
Печальной,
словно тополь за окном.
Мне вспомнилось, как голосили
вдовы –
О, как тогда всем было нелегко!
В плуги впрягались
Дойные коровы,
Роняя в пашню
с кровью
молоко.
Был горизонт пожарами залитый,
Лишь только утром таял их накал,
И батька мой,
в бою давно убитый,
Еще шагал,

(продолжение на стр. 9).

(начало на стр. 8).

В бессмертие шагал.
А мама тихо пела о России
Под грустный шум дождя и ветра
вой,
И за окошком тополь, обессилив,
Печально наклонился головой.

ОБОЯНЬ

Я ни разу не был в Обояни –
Знаю лишь о нем издалека.
Веет чисто русским обаяньем
Даже от названья городка.
Обоянь
Студеное журчанье
Светлых и упругих родников.
Над рекой с медлительным
качаньем
Проплывают стаи облаков.
Обоянь –
Вы слышите, как вкусно
Чем-то нежным вас обволокло!
Как произведение искусства,
Это слово в души залегло.
И, раскинув улицы над Пселом,
Чуть приподнимаясь из садов,
Солнечный,
Просторный и веселый,
Он глядит с высоких берегов.
Соловьи неистовствуют в мае –
Чудодейства им не занимать.
Вот таким тебя я принимаю
И таким надеюсь увидеть.

У ПРИЧАЛА

Женщина сидела у причала
На траве
У медленной реки.
Может быть,
любимого встречала
И глядела вдоль из-под руки.
Теплоход выруливал степенно,
Сознавая собственную власть.
Встрепенулась женщина мгновенно
И ему
навстречу подалась.
А лицо улыбкой озарилось,
Словно счастье было впереди:
Все,
что ей мечталось,
Все,
что снилось,
Затомилось радостно в груди.
Шли по сходням люди...
Кто-то первым,

Кто последним...
мимо прошагал...
Отвернулась женщина –
И ... серым
Показался
Солнечный вокзал.

ОТЧИЙ КРАЙ

Отчий край, задумчивый и
древний,
В шалах вьюжных строгие стога.
Темные и тихие деревни
Прячут окна в синие снега.
Под звездой застыли перелески,
Притаился ветер-снеговой.
Облаков причудливые фрески
Мудро внемлют родине моей.
Выйду я в полуночное поле,
Где шуршат снежинки по стерне.
Что-то есть щемящее
до боли
В этой чисто русской тишине.
Что-то есть в ней
Тайное такое –
Даже тени призрачно легки.
И душа крепчает от покоя,
И весомей думы и шаги.
И никак нельзя быть
хладнокровным
К этим селам
в бархате равнин.
Отчий край
Под тихим светом ровным.
И звезда высокая над ним.

* * *

Золото осени гасло,
Инейверху борозды.
Шумно свернули на прясло
С ближней рябины дрозды.
В воздухе ясно и чисто,
Звонко, как иволги крик.
Рядом токует речисто,
Не унывая родник.
Кружит листвою осенней
Светлая суть ручейка.
Словно бы лебеди, сели
В тихий залив облака.
Все благородно в природе –
Зыбкость воды и кусты.
Господи!
Что же в народе
Нету такой чистоты!

* * *

Что-то стало верующих много:
Аферистов, снобов и рвачей,
Видно, одинакова дорога
У святых, воров и палачей.
Видно, что-то их объединяет:
Праведников, добреньких и злых.
Бог – он никого не обвиняет
И прощает грешников любых.
Только стоит низко поклониться,
Свечку немудреную зажечь –
И светлеют праведные лица,
Из нутра вытапливая желчь.
Верят ли рвачи и аферисты?
Но ведь в церковь ходят по утрам.
Думаю, что что-то здесь нечисто,
Даже Бог не скажет: «Аз воздам».
Хочется мне пристальной
всмотреться,
Кто себя сумел перебороть, –
Если нет царя в башке и сердце,
То помочь не сможет и Господь.

ПИРОГИ

С брусничкой продавали пироги...
Нигде таких не пробовал я, кроме,
Кольнуло память очень дорогим –
Воспоминаньем о родимом доме.
Я помню, четверо сидело нас,
Нетерпеливо мы к столу
прижались.
От пирогов не отводили глаз,
Но из тарелки брать их не
решались.
А у стола задумчивая мать
Стояла отрешённо и покорно.
О, как хотели мы её понять!
И цепко горе сдавливало горло.
Отцовский полущубок и ружьё
За пуд муки она снесла куда-то.
Осталось горе в сердце у неё,
Осталась фотокарточка солдата.
На лавку села к вымытой квашне,
На нас взглянула ласково и
грустно...
Мы пироги жевали в тишине.
И было вкусно
И совсем не вкусно...
Она куска не положила в рот
И, отвернувшись, всхлипнула и
сникла...
Мне с болью вспоминается тот год,
Когда я вижу
Пироги с брусничкой.

• Память

ПОДВИГ НА ПЕРЕГОНЕ

Адреапольцы хранят память о танкисте Гаврииле Антоновиче Полвчене. За подвиг, совершенный при освобождении Андреаполя, он был удостоен звания Героя Советского Союза, его имя носит одна из главных улиц города. Однако мало кому известно, что в годы войны в наших краях совершил подвиг и железнодорожник Михаил Иванович Кушнер, за что ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

РОДИЛСЯ Михаил Иванович в 1906 году на Урале, солдатскую службу проходил в Великих Луках. Демобилизовавшись, там и остался. Работал в депо слесарем, затем окончил курсы машинистов при Великолукском техникуме путей сообщения. О его героизме Википедия рассказывает кратко.

В октябре 1943 года Кушнер вел литерный состав с Осташкова до станции Торопец, со спецгрузом - снарядами для «катюш». Несколько раз выводил состав из под бомбежки. Когда в хвосте поезда была разбита тормозная магистраль, Кушнер под огнем противника пробрался в хвост поезда, устранил повреждение и, вернувшись к паровозу продолжил движение. Груз был спасен, благополучно доставлен к месту назначения. Следуя обратно с санитарным поездом, будучи раненным, Михаил Иванович сумел увести эшелон из-под вражеской бомбежки, сохранив жизнь раненым бойцам.

Более подробно описал случившееся в очерке «Эшелоны шли сквозь пламя» (книга «Герои труда – калининцы») неоднократно бывавший в Андреаполе журналист Николай Мазурин:

«... Это произошло 1 ноября 1943 года. Эшелон ускоренно шел по перегону Охват - Андреаполь. Невзирая на темную осеннюю ночь, машинист неотрывно наблюдал за воздухом. Враг знал о движении наших поездов

на этом участке дороги, а потому методически бомбил его.

- Летят! – зло бросил Кушнер, уловив надрывный рев бомбардировщиков.

По обеим сторонам насыпи загрохотали тяжелые взрывы. По крышам вагонов заколотили пулеметные очереди. Кинувшись к краю, Кушнер резко затормозил поезд.

- Горим! – выкрикнул помощник, спрыгивая на насыпь.

В объятых огнем вагонах начали рваться снаряды «Неужели каюк?» - пронеслось в сознании машиниста.

За два последних года Кушнер потерял пятнадцать изрешеченных вдрызг паровозов, сам получил ощутимые царапины и все одерживал верх - выводил в тыл один санитарный поезд за другим. Но еще не бывало такого, чтобы состав воспламенился от первого удара...

Окликнув помощника, он велел ему как можно быстрее бежать к месту пожара и отцепить горящие вагоны.

- Напрасный риск, Михаил Иванович! – отозвался трусливо удаляющийся от состава помощник. – Немцы идут на второй заход...

Спотыкаясь о шпалы, падая и снова бросаясь вперед, Кушнер с каждой секундой приближался к пламени, бушующему над вагонами. Вот и вагоны, разворачиваемые грохотом рвущихся снарядов. «Только бы удалось отцепить... Только бы не задело самого...» - крутилось в голове.

Не задело! Задыхаясь от напряженного бега, Кушнер тотчас бросился в обратный путь, к паровозу, над которым опять появились вражеские бомбардировщики. Собрав последние силы, машинист перевел реверс на передний ход, открыл регулятор пара.

Гулко звякнули буфера. Эшелон медленно пополз в темноту.

В оставленные на перегоне не пылающие вагоны почти тут же полетела новая серия бомб.

- Большое солдатское спасибо вам, товарищ! – поблагодарил генерал Кушнера, когда тот доставил боеприпасы в район наступательных действий. – Доброго вам обратного пути!

Но обратный путь оказался не менее опасным. Санитарный состав, который вел Кушнер, в зоне разъезда 166 подвергся интенсивному вражескому налету с воздуха. То притормаживая ход, то ускоряя его, машинист все дальше и дальше уводил поезд в лесной массив. И вдруг бомбы ахнули возле паровоза! Пробитая во многих местах машина окуталась паром, стала терять скорость. Будто огнем хлестнуло и Кушнера.

Преодолевая боль, он выжал все возможное из разбитого паровоза и остановил состав на разъезде, где, как заметил, стоял вспомогательный локомотив.

Поздно вечером санитарный состав благополучно прибыл в Осташков. До последней минуты находился у реверса Кушнер. Анна самой станции силы покинули его.

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 10).

Мужественный и находчивый машинист от большой потери крови потерял сознание. Очнулся он только в госпитале...

Через неделю к Кушнеру нагрянула делегация. Тут были и представители Осташковского горкома партии, и сослуживцы.

- Ну, дорогой Михаил Иванович, поправляйся скорее да готовься к необычной поездке, - присаживаясь на край постели больного, радостно заговорил начальник паровозного депо Михаил Ильич Егоров. - На сей раз поедешь в Москву... На, читай...

Взял Кушнер газету, да так и ахнул.

- Читай, вслух читай...

- ...Присвоить звание Героя... почти по складам произносил Кушнер, учащенно мигая от волнения.

Вскоре Кушнера и в самом деле вызвали в Москву. Вручая орден Ленина и Золотую медаль Героя Социалистического Труда, Михаил Иванович Калинин долго и тепло жал ему руку.

К сожалению, сейчас трудно установить то место на перегоне Охват-Андреаполь, где Кушнер спас эшелон с реактивными снарядами. Моет быть, кто-то из старожилов помнит этот случай?

С. Николаев

• Редкие песни

СЕРАЯ ШИНЕЛЬ

(Слова народные)

Ты, любовно сшитая, пулями пробитая,
У костров прожженная в бурю и в метель,
Временем потрепана, бережно заштопана,
С пожелтевшим воротом серая шинель.

Плотная, суконная, Родиной даренная -
Разве может снять тебя пуля иль шрапнель?
Против сердца воина не бывать пробоинам,
Грудь укроет с орденом серая шинель.

Ты пропахла порохом, но ценю я дорого
Фронтovou спутницу боевых недель.
В ночь, сырую, длинную, служишь ты периную,
Согреваешь ласково, серая шинель.

Я вернусь с Победой, выпью, пообедаю,
Мать постелет чистую, мягкую постель.
Со слезами гордости в лучший угол горницы
Мать повесит старую серую шинель.

(Записано со слов ветерана войны А.М. Новикова,
д. Козлово, Андреапольский район).

• События

В ЧЕСТЬ АНДРЕЯ КУШЕЛЕВА

25 июля в Андреаполе произошло событие, ставшее заметной вехой в истории района. Сюда из Чили, Москвы, Санкт-Петербурга приехали потомки дворян Кушелевых, живших когда-то на этой земле, для того, чтобы принять участие в открытии памятной доски в честь Андрея Кушелева. Когда-то эти места были владениями рода Кушелевых. А в основу названия города легло имя Андрея Андреевича. По преданиям, первоначально оно звучало как Андреянополе и лишь спустя время приобрело сегодняшний вид.

Памятную доску установили на здании районной библиотеки, находящейся на центральной площади города. Открывавший событие глава района Н. Н. Баранник назвал его особым торжественным.

Возглавлял семейную группу Михаил Андреевич Заушкевич-Демейко – правнук А. А. Кушелева, живущий со времен эмиграции семьи в Чили. С ним были жена, сыновья, кузины, племянник.

Ими в краеведческий музей переданы копии фотографий, бронзовый подсвечник, меховая муфта и другие вещи из семейного архива.

А вечером в районном доме культуры всемирно известный саксофонист Игорь Бутман – еще один представитель рода Кушелевых – дал концерт для андреапольцев. Об этом музыканте говорят, что он каждый раз играет, как в последний. У жителей Андреаполя была возможность убедиться в этом. Безупречное мастерство и профессионализм джазового музыканта, его необыкновенный темперамент покорили зал, совсем неискушенный в подобного рода музыке.

В зале воцарилась обстановка дружественная и даже родственная. Особенно после того, как на сцену по приглашению Бутмана поднялись поочередно правнук и праправнук Андрея Кушелева. В исполнении младшего прозвучала популярная уже многие годы песня «Бесаме мучо» на чистом португальском, а в исполнении старшего наша русская «Катюша». И зал, конечно же, подпевал последнему.

М. Петрова

На снимках: Играет Игорь Бутман;
у памятной доски потомки старинного рода.

Фото А. Лельбикс

**В 2018 году исполняется 100 лет
Андреапольской средней школе №1.**

Исследователь земной коры

ОЛЕГ Петрович Иванов родился 12 февраля 1940 года в поселке Мурмаши Мурманской области. Родители его - уроженцы Андреапольского района (деревни Бросница и Покровское Быстрянского сельсовета). Юношеские годы Олега прошли в Андреаполе. Он учился в Горской семилетней школе, а оканчивал Андреапольскую среднюю школу. После школы поступил в Калининский вагоностроительный техникум. Окончил его в 1960 году с дипломом техника-технолога. Был распределен в Калининградский завод

«Автозапчасть», работал мастером участка. В 1962 году его призвали в армию. Служил, по счастливому стечению обстоятельств, в Андреапольском полку ПВО. В 1964 году поступил на Геологический факультет МГУ. В 1969 году окончил его по специальности «Геофизические методы поисков и разведки полезных ископаемых» и поступил в аспирантуру факультета. В 1973 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Преобразование временных разрезов в глубинные

для сред с переменными скоростями» и стал кандидатом геолого-минералогических наук. Перед этим, в числе 20 лучших аспирантов МГУ, получил московскую прописку.

С 1973 по 1977 год Олег Петрович - младший научный сотрудник, а с 1977 по 1979-й - старший научный сотрудник кафедры геофизических методов исследования земной коры геологического факультета МГУ. С 1979 по 1983-й - заведующий отделом «Происхождение и строение Земли и история ее изучения», заместитель директора музея по научной работе. С 1983 по 1987-й - преподаватель Кабульского политехнического института в Афганистане. Там же проводит работы по микросейсмическому районированию г. Кабула. За период преподавательской деятельности подготовил 25 выпускников в МГУ и КПИ.

По возвращении из заграничной командировки, с 1987 года, О. П. Иванов - старший научный сотрудник сектора Геодинамики МЗ МГУ, научный руководитель группы по теме: «Земля во Вселенной», член Ученого Совета МЗ МГУ и Большого Ученого Совета МГУ. С 1990 года преподает курс «Опасные природные процессы». Профессор кафедры №10 Академии Гражданской Защиты МЧС. В 1996 году О. П. Иванов был избран академиком и руководителем отделения Синергетики Российской Народной Академии Наук (РНАН), вице-президентом и членом президиума академии, руководит общероссийским междисциплинарным научным семинаром «Синергетика». Его назначили главным редактором ежегодного сборника «Синергетика» и научного журнала «Динамика сложных систем».

Основные результаты его работ изложены в 220 научных публикациях, включая (в соавторстве) одну монографию, один учебник, два учебных пособия, один лабораторный практикум и одиннадцать научных отчетов. Основная тематика научных исследований - дина-

Фото Александры Лельбикс

мика эволюции и взаимодействия сложных систем, включая аспекты геодинамики, сейсмотектоники, экологии, природных катастроф, эволюции и строения Вселенной, Земли и Биосферы. Он участвовал в восьми научно-исследовательских экспедициях в центральной части России, на Урале, Дальнем Востоке, в Магаданской области, трижды - на Чукотке, а также в Казахстане. Разработал схему плит и блоков Альпийско-Гималайского пояса (экспонирована в МЗ), модель Логарского гипербазитового массива в Афганистане. Изучил строение Усть-Соболевского метеоритного кратера. Создал геодинамическую классификацию крупнейших рек мира, впервые обосновав ключевые закономерности, управляющие эволюцией Биосферы и причины возникновения глобальных экологических проблем.

Наш земляк неоднократно награждался почетными грамотами, в том числе грамотой высшей Джирги г. Кабула за микросейсмические исследования территории города. За научные разработки он награжден бронзовой медалью ВДНХ, знаком «250 лет МГУ».

(продолжение на стр. 13).

(начало на стр. 12).

Главный специалист «по торфу»

ТОРФЯНАЯ отрасль переживает кризис. Закрыт филиал НИИ в пос. Радченко, на грани закрытия головной институт в Санкт-Петербурге. Заготовки торфа в масштабах России резко сократились. Количество студентов на кафедре «Технология и комплексная механизация разработки торфяных месторождений» в Тверском государственном техническом университете уменьшилось в разы. Поредели научные кадры. Впрочем, сохраняется надежда на возрождение отрасли. Оптимизм внушают заделы, созданные видными учеными - такими, как профессор этого университета, доктор технических наук Алексей Николаевич Васильев.

Родился Алексей Николаевич 30 марта 1942 года в деревне Вдовец. В том же году его отец Николай Игнатьевич пропал без вести под Ржевом. «Осталось нас на руках у матери двое - я и мой старший брат Виктор, - говорит Алексей Николаевич. В Бобровецкую семилетнюю школу Алеша ходил за три километра. В 1959 году окончил среднюю школу в Андреаполе и курсы трактористов при МТС и

поступил на механико-технологический факультет Калининского торфяного института. В 1964-м он поехал по распределению на Монетинское предприятие Свердловского торфотреста. Поработал в конструкторском бюро базовой лаборатории и поступил в аспирантуру образовавшегося на базе торфяного института Калининского политехнического института. Спустя три года, в 1971-м, защитил кандидатскую диссертацию, в 1975-м получил ученое звание доцента. Читает курсы лекций по дисциплинам: «Проектирование предприятий по добыче и переработке торфа», «Технология и комплексная механизация торфяного производства», «Перспективные технологии торфяного производства», «Математические методы в торфяном производстве. Руководит дипломным и курсовым про-

ектированием, учебными и производственными практиками, а также осуществляет руководство аспирантами и магистрантами по направлению «Горное дело».

Без отрыва от основной работы Алексей Николаевич получил второе высшее образование, окончив в 1987 году факультет прикладной математики Тверского Государственного университета. В 2002 году защитил докторскую диссертацию. Решением ВАК Министерства образования РФ ему присвоено звание профессора. У Алексея Николаевича свыше 140 научных публикаций (из них семь научных пособий), он - член Государственной экзаменационной комиссии по защите дипломных проектов, работ и магистерских диссертаций по кафедре «Технология и комплексная механизация разработки торфяных месторождений». Его супруга Елена Александровна, уроженка г. Западной Двины, - кандидат технических наук, доцент, работает на кафедре «Безопасность жизнедеятельности и экология». Их дочь Ирина окончила механико-математический факультет МГУ, работает начальником отдела в московском представительстве фирмы «Филипс». Сын Александр, окончивший ТГТУ, - менеджер по продаже дорожно-транспортного оборудования.

Несколько лет назад Алексей Николаевич переехал на жительство в столицу.

ФЕСТИВАЛЬ ПОЭЗИИ В БЕЖЕЦКЕ

22 июля в музейно-литературном центре «Дом поэтов» в селе Градницы Бежецкого района Тверской области прошел фестиваль современной поэзии. В фестивале участвовали как литературные деятели из Тверской области, так и из Московской. Творческая встреча посвящена памяти местного поэта Валентина Преображенского.

Открылся фестиваль экскурсией по Дому поэтов, затем состоялся концерт «Здесь и сейчас»: авторы представили свои новые стихи и песни, прочли стихи поэтов Серебряного века и произведе-

ния, посвященные Анне Ахматовой, Николаю и Льву Гумилёвым.

Член Союза журналистов и Союза писателей России Валентин Преображенский много лет руководил районной газетой, содейство-

вал становлению газет «Бежецкая новь» и «Бежецкий Верх», сотрудничал с «Бежецким вестником». Участвовал в строительстве городского Дома печати, создании Центра русского инструментального искусства и музея в бывшем доме Гумилёвых. Произведения Преображенского публиковались в районных и областных изданиях, поэт выпустил два сборника стихов.

Светлана Миронова

Светлана Владимировна Ми-
рова родилась 28 октября 1973 года
на Смоленщине. Поселок Пено счита-
ет своей второй родиной. Работала
помощником воспитателя, младшим
воспитателем в детском саду. Сейчас
художник народного театра. Участник
и лауреат различных литературных
конкурсов. Публиковалась в газетах
и журналах, коллективных сборни-
ках поэзии. Пишет тексты песен, хо-
рошо поет сама. Активная участница
художественной самостоятельности.

ЧЪЕ-ТО СЧАСТЬЕ

[illegible]

СУДЬБА-ЭЛЕКТРИЧКА

Живем, как умеем, сгорая, как
спички.
Спешим за судьбою.
Судьба-электричка,
В маршруте которой полно
остановок
Путь короток будет, а может быть,
долог.
Но времени стрелки сойдутся
однажды,
И рельсы прервутся, и станет
неважно,
Куда мы спешили, чего мы хотели,

На что мы надежду когда-то
имели,
Кого мы любили, о ком горевали,
Кого обожали, кого обижали.
За что мы прощали когда-то ко-
го-то.
Исчезнут заботы. Останется фото.
А мы догорим и погаснем, как
спички,
Отправится в вечность судьба-э-
лектричка...

СЛУЖБА

Солнце пробирается в окошки,
В храм народ с утра уже спешит.
Солнечный денек, и даже кошка
На крылечке чинно так сидит!
Батюшка, в торжественном наряде,
Службу начинает совершать.
У иконок свечи и лампы
Стали по-особому сиять.
Хор вступает: «Господи,
помилуй!»

Люди вторят: «Господи, прости!»
Кто-то слез своих сдержат не в
силах,
Тихо шепчет: «Боже, помоги».
Кто-то в чудо веру обретает,
Кто полюбопытствовать пришел
Издrevле ведь на Руси считали:
Жить нельзя без веры хорошо!
Об упокоении, о здравии
Просит Бога батюшка за нас.
Обращен с икон здесь не случайно
К людям взгляд печальных строгих
глаз.
Говорят, Россию Бог отметил,

Мол, наступят счастье и покой.
Но пока есть брошенные дети,
Старики с протянутой рукой...
И летит молитва о прощении,
О спасенье «грешных души».
Что это: почудилось свечение
Или ангел Божий в храм спешит?!

ОН УШЕЛ ДО РАССВЕТА

У него и портрета
в черной рамке не будет.
Он ушел до рассвета,
мир о нем позабудет.
Помер ночью, в сугробе,
одуревший от пьянки –
Он уснул на дороге,
не добрел до «временки».
О работал на стройке,
как другие, калымил.
На бригадной попойке
«дозу» лишнюю принял.
Помер тихо, без вскрика,
не пытаясь согреться.
А зима горемыке
заморозила сердце!
Ни семьи, ни прописки –
никому был не нужен.
Ел на завтрак сосиски,
макароны - на ужин.
На свои «трудовые»
часто «квасил», бедняга.
Тратил дни золотые
понапрасну, бродяга...
И Господь в этой жизни
завершил испытания -
Душу грешную вызвал
в глубину мироздания.

ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ

Женское счастье в семейном тепле,
В самой огромной любви на Земле,
В самом надежном мужчине на
свете.
Женское счастье – любимый и
дети.
В жизни немало страстей и разлук,
Но не предаст лишь единственный
друг!
Пусть все обиды исчезнут, как
тень,
Только бы рядом он был каждый
день.
(продолжение на стр. 15).

(начало на стр. 14).

КРАЙ РОДНОЙ

Этот мир так широк и просторен,
Ах, какая вокруг красота!
Лишь частица тверского раздолья
Наша пеновская сторона.
У меня для родного района
Пожеланий хороших не счесть,
Повторяю я снова и снова:
Наша малая родина здесь!
И леса, и озерные сине
Для потомков своих сохрани!
Я прошу: берегите Россию,
Начиная с родимой земли!

ПРИХОДЯТ СНЫ

Приходят сны цветные по ночам —
Несбыточных надежд в них
очертанья,
Друзья, которым не вернуться к
нам,
Воспоминанья в них и
предсказанья!
Там девочкой с сиреневым бантом
Я с куклами беседую и плачу,
Вновь прихожу в наш опустевший
дом,
В котором было все тогда иначе,
И вижу: улыбается отец,
Хлопочет мать на кухне над
блинами,
И нет разбитых судеб и сердец,
И будущее где-то за горами...

* * *

Вновь черемуха-невеста
Надевает свой наряд.
А девчонкам неизвестно,
Как обманчив милый взгляд!
Я сама в тебя влюбилась
И шагнула наугад.
Я сама в тебе ошиблась,
Кто же в этом виноват...
А потом сама скучала
И чего-то все ждала.
Обижалась. И прощала.
От добра ища добра.
Но едва лишь облетели
Все с черемухи цветы,
Поняла: на самом деле
Мне совсем не нужен ты!..

• Новые книги

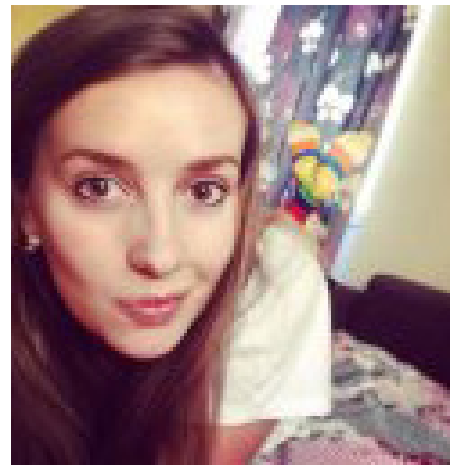
Михайловское: перипетии
лихолетья

Получив в подарок от Дарьи Тимошенко ее книгу «...От судеб защиты нет». Михайловское в 1934-1941 гг.», изданную в Пскове, прочел ее на одном дыхании. Ранее немало было написано об истории Пушкинского Заповедника, связанной с именем Семёна Степановича Гейченко. Именно он возвращал Михайловское к жизни с апреля 1945 года, долгое время был здесь директором. Однако возник-то Пушкинский Заповедник на 23 года раньше 1945 года. Основной части этого периода (Пушкиногорский район в то время входил в состав Калининской области) и посвящено исследование Дарьи Тимошенко.

Чередой проходят перед нами история селца Михайловское, судьбы директоров Заповедника — челюскинца, писателя Сергея Семеновна, героя Гражданской, а затем Финской и Отечественной войн Василия Голубева, участника обороны Царицына, писателя Павла Безруких, других подвижников, लेकर эту Пушкинскую обитель. Текст автора перемежается официальными документами органов власти, относящимися к Заповеднику, воспоминаниями его сотрудников, фотографиями, письмами местных граждан в вышестоящие инстанции, перепиской пушкинцев. С интересом читаются акты проверочных комиссий, «Частушки о Пушкине» от Павла Ефимовича Безруких, напечатанные газетой «Пушкинский колхозник».

Разумеется, само непростое время, в том числе 37-й год и Великая Отечественная война, наложили отпечаток на жизнь Заповедника. В предисловии к книге Валентин Курбатов пишет о том, что перед войной Заповедник «как-то сам собой останется без руководства», а затем последовала цепь метафизических совпадений, которые открыла читателю Дарья Тимошенко.

Можно относиться к ним по-разному, но разве не представляет интереса то, что в 1942 году (время оккупации) на поэтических вечерах в музее офицер пропагандистской роты вермахта П.Я. Данзас (родственник лицейского това-

рища и пушкинского секунданта К. Данзаса) будет читать стихи возвращенного ныне в поэтическую летопись России Н. Туроверова? В этих вечерах будет участвовать другой офицер вермахта, барон Корф, родственник еще одного лицейского товарища Пушкина Модиньки Корфа, а заведующий музеем, организатор вечеров И.М. Просяник поедет в город Опочку для встречи с наемником немецкой армии французским бароном Клодом Дантесом-Геккерном, родственником убийцы поэта Жоржа Дантеса.

Книга Дарьи Тимошенко не идеологизирована, стиль автора отличается сдержанным тактом. Для нее главное — показать атмосферу теперь уже далеких лет и утвердить читателя в мысли, что все, что связано с именем Александра Сергеевича Пушкина, продолжает оставаться важнейшей частью русской литературы, культуры, истории.

В заключение краткая информация об авторе книги. Дарья Александровна Тимошенко родилась в 1983 году в Москве. Окончила Московский государственный им. М.В. Ломоносова. Выпустила два сборника архивных материалов: «2-й Прибалтийский фронт. Освобождение Пушкиногорского района Псковской области. Фронтовая операция 7-18 апреля 1944 года» и «Освобождение Пушкиногорского района Псковской области. 3-й Прибалтийский фронт в июле 1944 года».

Валерий Кириллов,
г. Андреполь

Золотой запас

Шекспир Уильям
(1564-1612)

* * *

Мы вянем быстро - так же, как
растем.
Растем в потомках, в новом
урожае.
Избыток сил в наследнике твоём
Считай своим, с годами остывая.

Вот мудрости и красоты закон.
А без него царили бы на свете
Безумье, старость до конца времён
И мир исчез бы в шесть
десятилетий.

Пусть тот, кто жизни и земле не
мил, -
Безликий, грубый, - гибнет
невозвратно.
А ты дары такие получил,
Что возвратить их можешь
многократно.

Ты вырезан искусно, как печать,
Чтобы векам свой отпечаток передать.
Перевод С.Маршака

Татьяна Глушкова
(1939-2001)

ЧАС БЕЛОВЕЖЬЯ

Когда не стало Родины моей,
я ничего об этом не слыхала:
так, Богом береженная, хворала! —
чтоб не было мне горше и
больней...

Когда не стало Родины моей,

я там была, где ни крупички света:
заслонена, отторгнута, отпета —
иль сожжена до пепельных углей.

Когда не стало Родины моей,
я шла тропой к Неземной
Отчизне.
Но даже там, как на горючей
тризне,
не пел волоколамский соловей...

Когда не стало Родины моей,
в ворота ада я тогда стучала:
возьми меня!.. А только бы
восстала
страна моя из немоги своей.

Когда не стало Родины моей,
воспряла Смерть во всем
подлунном мире,
рукой костлявой на железной лире
бряцающая песнь раздора и цепей.

Когда не стало Родины моей,
Тот, кто явился к нам из Назарета,
осиротел не менее поэта
последних сроков Родины моей.

Игорь Ляпин
(1941-2005)

* * *

Мне эта женщина никто,
А вот на сердце, как ни странно,
От голоса ее светло,
От нежности ее туманно.
Она умеет принимать
Жизнь благодарными глазами,
И в удивленьи замирать,
И разговаривать с цветами.
В ее глазах на все ответ.
Глядит - и душу озаряет,
Как будто превратиться в свет
Ей ничего не составляет.
Не то чтоб раньше был я слеп,
Но только нынче ясно стало:

Не эта женщина - и мне б
Всю жизнь любви не доставало.

Иеромонах Роман
(Матюшин)
(род в 1954г.)

* * *

Я нарисую старый дом,
Берёзки, палисадник ветхий,
Огромный вяз (его уж нет),
Отца, глядящего мне вслед,
Окно лобзающие ветки.

Я нарисую старый дом,
Певцов пернатых на скворечне,
Две тонких яблони в саду,
Кусты черёмухи в цвету,
Храм белокаменный, конечно.

Я нарисую старый дом,
Поля с картофельной ботвой,
А вдалеке — холмы и рвы,
Деревья в зелени листвы,
Всё позабытое, живое.

Я нарисую старый дом,
Десну́ и лес, простор обжитый.
Большоголовое дитя
Сидит на лавочке, свистя
В свою свистулку из ракиты.

...Но время не вернуть назад.
И не бежать босым по лужам.
Отец, глядящий мне вослед,
Недавно мною был отпет,
А храм отхожим местом служит!

...Споткнулся, замер карандаш,
Не по своей, наверно, воле.
Гляжу в окно на белый свет —
И дома нет, и храма нет.
Бумага, чистая до боли.

<22 апреля 1989>,
н. Кярово